

Елена Корнелиусовна Фаст (ур. Гамм)

СОРОК ЛЕТ

(Воспоминания о 40 годах семейной жизни)

Перевод с немецкого *Е. В. Классен (Фаст)*

Редактор *В. Г. Фаст*

«... и около сорока лет времени питал их в пустыне»

Деян. 13,18

«...любовию вечною Я возлюбил тебя и потому

простёр к тебе благоволение»

Иер. 31,3

Не юбилейное торжество у нас сегодня. Если на то будет воля Божия, мы соберёмся для этого через десять лет. Тогда мы отпразднуем нашу золотую свадьбу. А сегодня мы с тремя нашими сыновьями вспомним нашу прошлую жизнь, как сказано во Второзаконии:

«И помни весь путь, которым вёл тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его или нет». (Втор. 8:2) А также: «... внушай их (заповеди) детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая». (Втор. 6:7)

Это мы и попытаемся сегодня сделать; и да будет слава Богу за все пути, которыми Он нас провёл и в которых нам помогал.

1935 год

17 марта мы отпраздновали нашу свадьбу. И хотя она прошла в тесном кругу, все крепко запомнилось. Господь благословил этот день. Милые, дорогие наши родители стояли рядом с нами и молились за нас. Когда мы пошли к алтарю, маленький хор запел песню, которую я больше с тех пор никогда не могла забыть:

Хочешь ли идти тропою света ты,
 Держись за руку Иисуса!
 Он все предусмотрит с высоты,
 Держись за руку Иисуса!
 Если прелесть мира вдруг тебя манит,
 Держись за руку Иисуса!
 Силою Его все искушенья победишь,
 Держись за руку Иисуса!
 Грех мучительно тебя отяготит,
 Держись за руку Иисуса!
 Только Он с тобою грех твой победит,

Держись за руку Иисуса!
Его милости доверься ты,
Держись за руку Иисуса!
Вскоре лик Его увидишь ты,
Держись за руку Иисуса!

Припев: Крепко за верную руку ты держись,
Держись за руку Иисуса!
На пути в отечество твое
Держись за руку Иисуса!

Нас сочетал дядя Бернгард Тевс (он был моим учителем во 2-ом классе, когда мне было 7 лет). Он говорил о тексте из Ис. 48:17-18: «Так говорит Господь Искупитель твой, Святой Израилев: «Я Господь, Бог твой, научающий тебя полезному, ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти. О, если бы ты внимал заповедям Моим! Тогда мир твой был бы, как река, и правда твоя – как волны морские».

Папиных родителей уже не было в живых, и мы прожили три счастливых года с моими родителями, братьями и сёстрами в родительском доме.

1936

В воскресенье 17 мая в 8 часов утра, когда солнце ярко освещало комнату, Господь подарил нам первого сыночка, нашего Вилли. Как велика была наша радость, почти невозможно описать. Мы молились о нём, и теперь нашим самым глубоким желанием было, чтобы рос он и развивался во славу Божию. Как радовались мы все нашему дорогому ребёночку! Когда я сшила ему первое платьице, а потом, к Рождеству, первые штанишки и связала первые туфельки, – всё так радовало наши сердца.

1937

Тяжелые грозные тучи сгустились, нависли над нашим народом, и многие деды, отцы и матери были оторваны от своих любимых и отправлены в тюрьмы. Страх охватил почти каждый дом. Мы, однако, продолжали радоваться нашему милому ребёнку, который уже в 11 месяцев ходил и говорил «папа» и «мама». Он был чудесным малышом и прекрасно развивался. Вместе с нами радовались ему бабушка с бабушкой и мои сёстры. Да разве же могло быть как-то иначе?..

1938

В пятницу 1 июля подарил нам Господь прекрасную маленькую дочку, и папа назвал ее Еленой. Теперь наше родительское счастье еще более

возросло. Мы восприняли ее как дар Божий и пытались осознать также свою ответственность. Нашей молитвой и стремлением было детей, которых Он доверил нам, привести вновь к Нему. Господь знает это! Почему же так не могло оставаться? Вскоре всё изменилось.

14 июля с заходом солнца разразилась беда. Моего дорогого любимого папу и вашего папу насильно забрали у нас и посадили в тюрьму. Мне трудно совладать с пером, описывая этот страшный вечер. Весь дом наполнился плачем и причитаниями. Особенно запомнился мне громкий крик моей младшей сестрёнки Зельмы – ей было тогда 9 лет. Это было почти непереносимо. Мы утешали себя словами апостола Павла: «... любящим Бога всё содействует ко благу» (Рим. 8,28). Хотя тогда нам это было трудно понять.

За пять месяцев я трижды съездила в Мелекес (три часа на поезде) к тюрьме, где находились наши любимые, чтобы передать им немного продуктов. Весь день я напрасно простаивала у тюремных ворот и затем возвращалась с непринятой передачей домой. Последнюю такую поездку я совершила 9 декабря. Было уже очень холодно. Оказалось, к тому времени их уже отправили из Мелекеса дальше, а мы об этом ничего не знали. С ужасно тяжёлым сердцем поспешила я назад к своим детям, с которыми оставалась тогда моя милая мамочка. Сердце её тоже разрывалось от горя, но она постоянно старалась утешить меня. Неужели так будет всегда? Увидимся ли мы еще на этой земле? Эти вопросы не давали покоя нам ежедневно и ежечасно.

1939

Как дорога и близка была мне моя милая мама во все времена! Общее горе еще больше сплотило нас и сплестило наши сердца неразрывной любовью. В конце января мы получили первые весточки от наших любимых из лагерей. После пяти с половиной месяцев тюремного заключения их отправили в лагерь. От папы известие пришло из-под станции Потьма, а от Генриха – с далёкого севера, г. Соликамск и ещё дальше на север. Первое его письмо начиналось словами: «До свидания, мой двенадцатилетний Вилли и моя десятилетняя Лолли». Так мы узнали, на сколько лет его заключили. Эту весть я никому не могла рассказать, таила её в себе. Я не могла это постичь.

Всё более множились заботы о том, что нам есть и во что одеваться. Питание часто было очень скудным. 6 мая мамочка поздравила меня с днём рождения и сильно заплакала: она истратила последнюю муку, сготовив на завтрак затируху с водой. И вдруг, не успели мы ещё и позавтракать, как около нашего дома остановилась машина. Из неё выскочил какой-то мужчина с тяжёлым мешком, подошёл к двери и спросил: «Семья Корнея Гамма здесь живёт?» Услышав «да», он опустил мешок и сказал: «Эту муку послал вам бывший его работник» (татарин Минстафа). Так мы познали помощь Божию. Господь своих не оставляет никогда, и чем нужда выше, тем помощь ближе.

21 июля заболела наша любимая маленькая Лолли. Она была нашим солнышком, как радовались мы ей! В десять месяцев сделала она свои первые шажки и теперь уже так хорошо бегала по дому. Часто мне думалось, что папа и дедушка должны обязательно появиться дома и порадоваться ребёнку. Через три недели, однако, Господь счёл нужным забрать дитя к Себе. 12 августа в три часа утра мы с мамой закрыли ей глазки для этого мира. Все тяготы, следовавшие за этим, не коснулись её. Она перешла к Спасителю, который с любовью сказал когда-то: «...пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19,14). Почему её папе нельзя было видеть своё дитя? Это было мне трудно понять.

1940

В первые дни этого года мы получили письмо от нашего дорогого отца. Он был болен и находился в больнице. Может быть, принесёт нам 1940 год свидание? Через некоторое время пришла открытка, написанная 13 января, со следующим содержанием:

«Мои дорогие все! Снова у нас наступил день для писем, и я не хочу упустить его. Не знаю, получаете ли вы мои письма. От вас с ноября я не получал никаких известий, последнее было с весточкой о Генрихе. Последние две посылки я получил. От всего у меня осталось еще масло и топленое сало. Пока не присылайте ничего больше. Однажды я писал о сахаре, и его не надо, если ещё не послали. Ни в чем я не нуждаюсь, нахожусь в хорошем окружении, всем обеспечен, всё еще в больнице и болен... Состояние не улучшается. Что принесёт ближайшее будущее? Дорогие мои все! Не удерживайте меня больше. Как бы хотелось мне всех вас снова увидеть и обнять, но не будем отчаиваться, если все должно быть иначе. «Хочу домой. Меня влечёт в Отцовский дом»... Ваш любящий папа и дедушка. До свидания там в вышине!»

Мы предчувствовали, что это будет его последним письмом, и нам не удастся больше свидеться на этом свете, и мы оплакивали его. Прошёл, может быть, месяц, когда пришло письмо от одного из его союзников. Он лежал рядом с папой в больнице. Он сообщил, что папу вынесли мёртвым в 7 часов утра 15 января 1940 года. Тогда он встал и просмотрел ложе отца, и обнаружил под подушкой листочек, на котором дрожащей рукой папы были написаны его последние слова. Этот листок был приложен к письму:

Как верен Бог!
Сердце Отца своих не оставляет.
Как верен Бог!
Он в радости и в горе
Нас принимает и сопровождает.
Меня покрыли всемогущих два крыла.

Рухните горы, и холмы падите. Как верен Бог! Как верен Бог!

Такое великое утешение имел он и нам передал как завещание! Пройдёт еще немного времени, и мы все встретимся у золотого берега в вечной Отчизне.

В мае этого года я вместе с несколькими другими женщинами поехала закупить хлеб в г. Куйбышев. Там в течение нескольких дней мы отстояли длинные очереди в различных магазинах и наполнили мешки печёным хлебом. Затем поехали домой на грузовике из нашего колхоза и были несказанно рады и благодарны, когда нам удалось доставить хлеб домой.

Мне доставляло также много радости готовить подарки к Рождеству моему Вилли. Хотя мы праздновали этот праздник очень тихо, но всегда с большой радостью. Ведь Иисус из любви к нам родился во плоти на этой земле. В этом году последний раз мы праздновали Рождество на нашей родине в Нойхофнунг (*село Надеждено – прим. пер.*).

1941

В 1941 году разразилась ужасная война, принесшая глубокие страдания и нашему народу. 1 декабря нам пришлось оставить наш дом и двор, и все имущество. В три дня всё немецкое население колонии было вывезено тракторами на санях с малым количеством вещей (лишь самым необходимым) на железнодорожную станцию Погрузная. Каждый пытался взять с собою как можно больше съестного, но все скоро кончилось. И вот нас погрузили, сколько можно было вместить, в вагоны-телятники, и поезд тронулся, увозя нас в Казахстан.

В Осакаровке весь поезд, содержащий около 90 вагонов, разгрузили. Это было за несколько дней до Рождества. С какой печалью думали мы о Рождестве. Почему? Разве радость о благой вести: «ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель...» стала менее великой?.. Разве всё зависит от внешних обстоятельств?

Выгрузили несколько покойников и похоронили их. Нас всех поместили в клуб. К этому времени многие уже сильно страдали от голода. Оттуда всех на санях развезли по деревням и колхозам. Нас тоже усадили в сани, и какой-то казах повёз нас 32 км по степи в село Кондратовка (*Кондратьевка – прим. пер.*) Была ночь. Нам позволили войти в какую-то казахскую хижину, где был готов горячий суп, согревший нас, и можно было улечься на полу в ряд и заснуть. Нашим утомлённым продрогшим телам стало легче. На следующий день наступил Сочельник. Но вспоминали мы о нём очень тихо, а вечером нужно было пойти на работу в ночь, провеивать зерно в амбаре.

По пути мои близкие сильно простудились. Мама, брат Ханс, сестра Зельма и маленький Вилли заболели. Ухаживать за ними в таких условиях

было так трудно, что я выходила на улицу, чтоб выплакаться под открытым небом. Мне казалось, что Бог отвернулся от нас.

Казахскую хижину нам пришлось через несколько дней покинуть. Нас поселили в сарае, где раньше хранилось зерно. Без окон, без печи, земляной пол, - так мы встретили новый год.

1942

Пробили мы себе маленькое окошечко, раму для него нам дали. Печник сложил нам крошечную печку, которой предстояло нас обогревать. За плитой вмонтировали большой котёл. Когда мы затапливали печку, в котёл усаживалось трое детей: Вилли и Хайни с Лизель Дридигер, которые вместе со своей мамой разделяли наше жильё. Часто во время протапливания печи дети не успевали согреться. Когда я пошла попросить дрова, мне грубо ответили: «Топите снегом!» И я несколько раз решалась выходить по ночам на поиски дров и брать там, где не разрешалось. При этом я из глубины сердца молилась Богу, чтобы Он спас меня в этой нужде. Он хранил меня. Как часто милостивый Бог простирал над нами крылья! Так мы прожили эту зиму.

Весна принесла новые надежды, но никакого облегчения моим больным. Сестрёнку Зелли отвезли в больницу в Осакаровку. Однажды я её там навестила, пройдя пешком 32 км туда и обратно. Врачи сказали, что у неё больные легкие, и вскоре её отпустили домой. Мама была прикована к постели и уже совсем не могла ходить. Ей становилось всё хуже, часто бывало совсем тяжело. Ночью я ложилась спать рядом с ней и, просыпаясь, трогала её лоб рукой, чтобы проверить, тёплая ли она еще. Какой ужасной представлялась мне жизнь без мамы!

Брат Ханс болел водянкой, сопровождавшейся постоянными страданиями. Долгое время перед смертью он совсем не мог лежать и постоянно сидел. Если только у меня была возможность посидеть с ним рядом, он просил спеть ему песню № 101 из сборника «Благая весть»:

1. Поднимите меня выше
Из греховной тьмы ночной,
К Господу моему ближе,
Что крестом мне дал покой.
 Пр. Ангелы, прострите крылья,
 Отнесите же меня
 На Голгофу, чтоб я видел,
 Как Он умер за меня.
2. Поднимите меня выше
Из болезней и невзгод.
Все больнее и больнее
Жар страданий меня жжёт.
 Пр. Ангелы, прострите крылья,

Отнесите же меня
На Фавор, где в ярком свете
Сразу боль забуду я.

3. Поднимите меня выше

Из земной юдоли сей.

Пусть всё ближе и всё ближе

Свет небес сияет мне.

Пр. Ангелы, прострите крылья,

Поднимите же меня

На Сионский холм небесный

Встретить моего Царя.

252. Hebt mich höher.

Getragen.

1. Hebt mich hö = her, hebt mich hö = her Aus der Sün = de
 2. Hebt mich hö = her, hebt mich hö = her Aus der Schmer = zen
 3. Hebt mich hö = her, hebt mich hö = her Aus der ar = men

1. dunk-ler Nacht! Flü = cket mich dem Sei = land nä = her, Der am
 2. trii = ber Flut! Im = mer we = her, im = mer we = her Thut des
 3. Er = den = welt, Im = mer nä = her, im = mer nä = her Zu des

1. Kreuz für mich voll = bracht! En = gel, kommt, schwingt eu = re
 2. Lei = dens Feu = er = glut. En = gel, kommt, schwingt eu = re
 3. Him = mels Licht = ge = zelt! En = gel, kommt, schwingt eu = re

1. Flü = gel, Tragt mich hin auf Gol = ga = tha, Daß ich
 2. Flü = gel, Tragt mich hin auf Ta = bors Höhn, Wo auf
 3. Flü = gel, Und hebt mich zum Herrn em = por, Tragt mich

Часто едва успевала я пропеть эту песню, как он просил спеть её опять сначала. Однажды он сказал мне: «Лена, я иду к Спасителю». 14 июня в 3 часа утра ангелы подняли его душу ко Господу. Господь забрал его из этой долины плача. «В какое блаженство я скоро войду, свободный от боли - лик Божий узрю». Он видел его уже сейчас. В тот же день вечером мы вынуждены были похоронить его. Без гроба. Как папу, и как бедного Лазаря, его вознесли к Богу ангелы.

Мамино здоровье начало вскоре поправляться. Она снова училась помаленьку ходить. И мой маленький Вилли резвился около нас, с удовольствием собирал цветы и доставлял нам много радости. Он всегда был расположен к добру и охотно слушался. Если нечего было есть, то он не огорчался, а когда было достаточно, он радовался. Милый ребёнок, я снова прижимаю тебя к сердцу!

1943

5 января снова пришло расставание, да такое, что у меня разрывалось сердце на части. Всех немецких девушек и женщин забирали в трудармию, включая и нас четырёх сестёр. Мама, больная 14-летняя Зельма и мой 6-летний Вилли оставались одни на чужбине, без хлеба и без помощи. Когда мы собирали свои скудные пожитки, мой ребёнок встал рядом со мной и сказал: «Мама, возьми же меня с собой, чтоб мы могли вместе умереть!» Как часто эти слова отзывались как нож в моём сердце. Не хочется больше описывать это прощание.

В Осакаровке, где были собраны многие нам подобные, и ещё многие прибывали, нас погрузили в вагоны-телятники. У матерей, которые взяли с собой детей, забирали их и отправляли в детдома. Так мы поехали, как и прибыли сюда в 1941 году. Только тогда мы были со своими семьями, хотя и без любимых отцов. Теперь нас разлучили и с детьми. Голод и холод были нашим уделом.

В городе Котельнич Кировской области нас вывели из вагонов. Была ночь. Огромную массу женщин завели в клуб и позволили в эту ночь и на следующий день «отдохнуть» и отогреться. А на следующую ночь нас (1000 женщин) погнали как стадо гусей через дремучий лес. За эту ночь и 3 дня мы прошли 90 км. Нашу колонну предваряла упряжка лошадей и замыкала также упряжка с санями. Так тянулись мы на ужасном морозе, проходя через деревни, которые казались мне такими мирными. Здесь я видела детей такого же возраста, как мой Вилли. Однажды на дорогу вышли женщины с корзиной хлеба и раздавали всем по кусочку. Когда мы подошли, хлеб уже кончился. Нас было слишком много для них.

17 января мы прибыли к месту назначения, совершенно измученные. Бечево – так называлось место, где нас ждали голод и тяжёлая работа. Нас разместили в бараки по 300 женщин. Трёхэтажные нары и узкий проход между ними. Всех разделили на бригады и на следующий день послали

валить деревья. Здесь было достаточно топлива и в целом нам не приходилось мёрзнуть. Как я вспоминала моих родных, которым нечем было топить, когда мы жгли сучья в лесу! Так мы работали без каких-либо перерывов.

Мы мучались от голода, и наша духовная жизнь тоже ослабевала. Летом питались в основном крапивой и щавелем, да кусочками хлеба, которые нам давали почти каждый день... Как я тосковала по моим любимым!

Здесь я выучила две новые песни, которые часто пела в своём одиночестве, изливая в них свою тоску:

Знает ли Иисус о печали моей,
Слишком сильной для слов или пения?
Что мой дух угнетён и сердце скорбит,
Что мой путь так тяжёл, полон терний?

Припев: О да, Он всё знает, Он помнит меня
И вместе со мною скорбит.
Он знает всё, Он помнит всех,
Его сердце любовью горит.

Знает ли Иисус, что на тёмной тропе
Моё сердце страшится бед?
Когда солнце зайдёт, ночь меня обоймёт,
Одинок и боязно мне?

Знает ли Иисус, что мой враг иногда
Искушает меня выше сил,
Боль раскаянья сердце терзает моё,
Мир, покой я совсем позабыл?

Знает ли Иисус, что вернейших друзей
Похищает порой у нас смерть?
Когда боль расставанья терзает сердца,
До меня Ему дело есть?

Знает ли Иисус мой путь впереди,
Что сокрыт от меня пока?
Через рифы и скалы в бурных водах
Поведёт ли Его рука?

И ещё:

Хочу домой. Меня влечёт Отцовский дом
И сердце верное Отца.
Прочь из мирского шума суеты -
К блаженному покою в небесах.
Я вышел в путь, имея тысячу желаний,
Назад иду, оставшись лишь с одним:
Росток надежды в сердце охраняю,

Что буду принят я в свой дом Отцом своим.

Припев: Хочу домой, хочу домой, в мой Отчий дом.
Хочу домой, меня влечёт Отцовский дом.
Хочу домой, хочу домой, хочу домой я.
Хочу домой, хочу домой.

Хочу домой. В блаженном сне я видел
Возвышенную лучшую страну.
Там мой удел, среди её обитателей,
Здесь нету места для души.
Весна пришла, и ласточка к отчизне
Летит чрез горы и поля.
Ничто не в силах удержать её на месте.
Так же хочу на родину и я.
Хочу домой. Ладья причалит в гавань,
Отважный ручеек спешит в моря.
Ребёнок маленький уснёт в объятьях мамы.
Так же хочу на родину и я.
Немало песен в радости и горе
Я пел. Теперь меня манит покой.
В сердце остались два последних слова:
Хочу домой! Хочу домой!

Я страшно тосковала о моём ребёнке, милой маме, о муже, которому так хотелось бы опекать свою семью... Иногда мы получали письма от родных. Это было всегда великой радостью.

На Пасху нас ожидал чудесный сюрприз. Ранним утром целый женский хор, называемый тогда бригадой, запел светлыми голосами:

Он жив! Он жив!
Собой Он смерть поправил.
Он жив! Он жив!
Господь всех сил восстал.

Как это снова подняло дух! Неужели мы забыли, что Он жив? К моему стыду я должна признать, что почти всё время пребывала в подавленном состоянии. Мой жребий казался мне слишком тяжёлым. Утешала себя тем, что, как говорилось в нашем свадебном наставлении, Господь ведёт нас по нашему пути. Летом мы иногда собирали лесные ягоды. Часто радовались красоте природы.

На Рождество мы остались уже только с тётей Мими. Тётю Аню и тётю Августу отпустили из-за болезни «домой». Мы были так счастливы, когда на

ужин смогли испечь на углях несколько картофелин. Они казались нам вкуснее рождественской коврижки. Так мы вступили в следующий год.

1944

Уже с весны я часто болела, и меня не заставляли работать. Тогда я сидела на нарах и вязала. Так было и в начале августа. Тётя Мими была на работе, когда в барак зашёл почтальон и принёс письма. К моей огромной радости, там было письмо и для нас. Но как я была потрясена, когда в первых же строчках прочла известие о кончине милой мамочки и поняла, что никогда больше мы не встретимся здесь на земле! 28 июля после трёхдневных мучительных болей она отошла ко Господу. Она так любила петь:

Там в вышине небесной лежит отчизна моя.
К тихой и мирной жизни зовёт, мерцающая звезда.
О да, туда
Манит меня звезда.

Иногда она пела своему маленькому внуку (которого она называла «мой милый мальчик») песни, которые он вспоминает по сей день. Теперь уста её сомкнулись.

После этого я сильно заболела и попала в больницу, где провела целый месяц в тяжёлом состоянии. Когда мне стало полегче, мне сообщили, что Мими и мне разрешается переехать к нашей сестре Терезе в Ставрополь. И вот однажды нам удалось на попутном грузовике добраться до станции Котельнич. Оттуда мы поехали сначала на барже, затем на пароходе по Вятке, Каме, Волге, пока не сошли рано утром 26 сентября на берег в Ставрополе. Путешествие заняло у нас 13 дней. Свидание с сестрой доставило нам много радости, но одновременно и грусти. Между нами уже не было полного взаимопонимания.

Здесь мы проработали до Рождества, а затем всю нашу контору вместе с рабочими перевели в Сызрань. 24 декабря, опять к Рождеству, прибыли мы туда. Меня сразу определили помогать по хозяйству одной больной женщине с двумя маленькими детьми (*жене председателя колхоза – прим. пер.*) Ей нравилась моя помощь, и она не хотела меня отпускать.

1945

Этот год принес очень печальные известия «из дома». Во-первых, вскоре после смерти бабушки была арестована и посажена тётя Августа (*сентябрь 1944 г. – В. Ф.*) Это причинило мне сильную сердечную боль. Бедная девочка! Как ей было перенести ещё и это? Затем известие о смерти моей младшей сестры Зельмы 16 января... Теперь мой маленький Вилли

совершенно осиротел. Тётя Зельма, которая радовалась ему, когда он возвращался из школы, и всегда была с ним рядом, теперь последовала за своей мамочкой к Господу. Доживёт ли мой ребенок до того момента, когда мне позволят его забрать? Можно ли было на это вообще надеяться? «Знает ли Иисус о печали моей?»

В огромной нужде и нехватке пищи и одежды, мой сын окончил в том году первый класс и написал мне письмо со своими оценками – все пятёрки. Вложил фотографию с учениками первого класса и их учительницей. И ещё срисовал для своей мамы из Библии два стиха готическими буквами: «Господь – пастырь мой; я ни в чём не буду нуждаться» (Пс. 22,1) и «... се, я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28,20). Эти два листочка для меня по сей день как святыня. Такие драгоценные обетования, и ими утешался мой ребёнок в своём тяжёлом положении.

9 мая, когда мы, рабочие, собрались все на работе, нам торжественно сообщили, что окончилась война, и настал, наконец, долгожданный мир. Как мы обрадовались, что теперь мы сможем скоро поехать «домой» и, по крайней мере, соединимся со своими родными, по которым так истосковались... Но и здесь нас ждало большое разочарование. Ещё месяц работа продолжалась без изменений. Затем нам сообщили: «Работа здесь закончилась, и вся контора с немецкими рабочими переводится в Татарию, 25 км от станции Клявлино». Там нас ждала тяжёлая работа – копать траншеи кирками и ломками. Нас снова погрузили в телятник и повезли поездом дальше.

Через несколько месяцев нас торжественно пригласили на собрание и объявили, что вышло постановление, согласно которому мы все поселены сюда навечно. Нам всем разрешается выходить замуж, создавать семью, а у кого кто-то из близких остался в других местах, о них следует забыть. Дети и дети детей наших будут навечно ссыльными. Какой это вызвало вопль и стенания, об этом лучше не вспоминать. Кто же может забыть своих родителей или детей? Моим большим утешением было то, что на этой земле нет ничего вечного, и поэтому не стоило уж слишком убиваться. Так закончился и этот год, и мы вступили в год

1946

Этот год принёс мне некоторые хорошие вести. Тётю Августу в мае освободили из лагеря, и она снова была рядом с моим ребёнком, с Вилли. Затем тётя Мими получила вызов от дяди Яши из Караганды. Прошло, кажется, несколько месяцев, и она, в самом деле, получила разрешение поехать к мужу. Это настолько прибавило мне мужества и надежды, что я решила подать прошение о том, чтобы меня отпустили забрать моего ребёнка. Тем более что я получила уже бумагу из сельсовета о том, что сын мой живёт один и находится в тяжёлом состоянии, и если мать его не

заберёт, то может погибнуть. Тётю Августу к тому времени отправили со стадами в отгон. Хочу привести здесь текст последней открытки от Вилли:

«Здравствуй, дорогая мама. Я жив и здоров, что и тебе желаю. Тётя Августа поехала в отгон, туда никакая почта не идёт. Там они остаются до осени. Я хожу на прополку. Получаю 400 грамм хлеба. Сегодня мы не пошли на прополку, потому что сегодня дождь. Когда воскресенье, тогда мы всегда дома бываем. От папы я уже давно не получал писем. Нас тут не отпускают. Если можешь, приезжай сама. На этом я оканчиваю моё письмо. До свидания, твой сын Вильгельм Фаст» (1946, 20 июня).

У меня была такая большая надежда получить разрешение, когда я подала прошение, но мне сказали, что все документы отосланы в трест, и там будет решаться мое дело. С 1 июня стали разрешать покупать билеты на поезд без пропусков. И я решила поехать без разрешения... В глубине души я решила или спасти своего ребёнка или умереть... Воззвала к Господу о помощи и благословении на эту поездку. 13 июня вечером я зашла в поезд с билетом, но без документов. Когда поезд тронулся из Клявлино, хотелось громко запеть: «Да, я еду, да, я еду, да, я еду сегодня!» Разве не слышит мой сын, что мама едет к нему?

В Уфе была пересадка, и всё прошло неожиданно легко. Где могла, я старалась прятаться за тётей Мими, постоянно взывая о помощи к Богу. В Челябинске была ещё одна пересадка, и здесь, казалось, мы могли застрять. В Петропавловск отправлялся поезд, вагоны–телятники, которые были набиты шумными весёлыми солдатами, возвращавшимися с войны домой. Они позволили нам войти, не причинили нам никакого вреда, были приветливы и дружелюбны.

В Петропавловске мы пережили 5 трудных дней. Все поезда были переполнены, и не было никакой надежды уехать дальше. Здесь я чуть не пришла в отчаяние, но моя сестра старалась утешать меня, поддерживая во мне надежду. Рано утром я услышала, что поезд с пустыми угольными вагонами отправляется в Караганду. Я бросилась за сестрой в зал ожидания, и мы, а с нами ещё человек 30 пассажиров, залезли в высокий вагон и притаились там. Как мы обрадовались, когда поезд, наконец, тронулся!

Так мы ехали до вечера. Затем остановились на станции Боровое. Там нас обнаружили. Мы замерли с огромным напряжением и страхом. Вдруг кто-то сверху посмотрел на нас. Нам нужно было немедленно вылезать и шагать в милицию. Там проверили наши вещи и документы. Я была чудом спасена – Господь слышал мой вопль и внял ему. Нас отправили на вокзал. На следующий день мы закомпостировали билеты и смогли снова сесть на поезд и ехать дальше. На станции Актосты я простилась с тётей Мими: она поехала дальше, а я вышла. Это было на заходе солнца. Тяжёлое расставание. Три с половиной года мы были каждый день вместе, теперь наши пути расходились...

Ночь я провела у милых старых знакомых с родины. 26 июня рано утром (через 13 дней после начала моего путешествия), прежде чем пастух вывел стадо на луг, я пешком направилась к деревне Кондратовка. Туда где

нашли свою смерть моя мамочка, брат и сестра, и где ещё трое моих близких терпели страдания. Когда я вышла на прямую дорогу длиной в 12 км, я опустила в сторонке на колени и помолилась Господу из глубины души, чтоб Он помог мне найти моего ребёнка и благополучно привезти его назад. Теперь я шла быстрым шагом по дороге. И вот показалась деревня. Я снова воззвала ко Господу, чтоб Он показал мне, где мой ребёнок. Я боялась быть увиденной в деревне, потому что не имела письменного разрешения забрать своего сына. Если таких как я вылавливали, их осуждали на 25 лет.

Когда я вошла в деревню, мне встретилась одна женщина; я сразу спросила её, не знает ли она, где живёт Вилли. «Я его мать и приехала, чтоб забрать его...» Она громко вскрикнула и сказала, что он живёт у неё. Эта была та же хижина, куда мы прибыли в 1941 году в Рождество. В отдельной комнате, если её можно было так назвать, на жалком ложе спал Вилли, не догадываясь, что его мама сидит рядом и плачет... Через три с половиной года тяжёлых страданий и разлуки. Он проснулся через некоторое время, когда вошла тётя Аня и воскликнула: «Вилли, твоя мама приехала!» И тут же он оказался в моих объятиях... «Наг и слаб я, укрой меня. Я беспомощен, помилуй мя!»... Да, он был наг и беспомощен. Так просидели мы некоторое время... Наши переживания невозможно передать словами.

Мы провели небольшое приготовление к отъезду. Как обрадовался Вилли рубашке и штанам, которые я привезла для него!.. Вскоре грузовик, направляющийся в Осакаровка, взял нас с собой. Там были знакомые тётки Марии Штейнмец. Они согласились взять нас с собой. Ещё до вечера мы оказались на вокзале, и путешествие началось сначала. Я так боялась. Моё сердце робело перед предстоящей поездкой. В Осакаровке на базаре я купила молоко и хлеб и дала своему ребёнку наесться вволю. На ночь мы отправились к знакомым и спали вместе на мягкой постели. Наши друзья старались оказать нам наилучшее гостеприимство. Нам каждому досталось даже по варённому яичку.

Затем мы опять пошли на вокзал. Здесь я встала в очередь за билетами. Как опять испугалась я, когда заметила, что билеты продавали только тем, у кого были паспорта или разрешение на поездку. У меня же не было ни того, ни другого. Тогда я снова обратилась к Господу из глубины своего сердца с мольбой: «Господь, Ты знаешь, что я ничего плохого не хотела. Мной двигала тоска по моему ребёнку, желание спасти его. О, помоги же!». И Он опять чудесным образом помог. Когда подошла моя очередь, я попросила один взрослый и один детский билеты до станции Клявлино и протянула деньги. Кассир взглянул на меня, потом посмотрел в свою книгу и сказал: «Это где живёт мордва?» - «Да, да», - был мой ответ. Через пару минут я держала в руках оба билета. Как я была благодарна!

Мы решили не ехать через Петропавловск и сели на другой поезд. Первую пересадку мы делали в Акмолинске. Здесь Вилли заболел. Началась настоящая рвота, и он почти не мог сидеть из-за болей в животе. Возможно, он съел слишком много. Как я этого не предусмотрела? Из Акмолинска путешествие продолжалось более-менее спокойно до станции Каргалы.

Когда мы прибыли туда, зал ожидания, как везде, был переполнен. Так как я была без документов, то мне все время приходилось быть на стороже из-за частых проверок документов и страха быть пойманной. Вилли я уложила как можно удобнее, а сама выходила на улицу даже в дождь, заняв очередь, чтоб компостировать билеты. Когда я вернулась, мне сказали, что медсестра из комнаты матери и ребёнка осмотрела моего сына и велела мне зайти к ней за лекарствами, а также распорядилась, чтобы мне закомпостировали билеты. Без страха, с радостью пошла я к ней, т.к. поняла, что это Господь!.. Без лишних вопросов билеты были закомпостированы, и мы поехали дальше.

На этом пути были проверки документов и некоторых, подобных мне, вылавливали и уводили. Я сидела с ребёнком за дверью, и меня не замечали. Я молилась, и Господь закрывал им глаза. Так мы благополучно добрались до Челябинска. Здесь меня поверг в ужас крупнейший зал ожидания, набитый людьми. К тому же на стене висела огромная картина со счастливыми детскими лицами – Сталин, окружённый сияющими детьми с цветами и подпись: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Я уложила моего ребёнка на скамью у кассы для женщин с детьми и встала в очередь. Снова было долгое стояние. И снова я подняла свои очи к тем горам, с которых ожидала помощь... И вновь не напрасно. Когда я протянула свои билеты на регистрацию, кассир потребовала у меня паспорт и свидетельство о рождении. Я ответила, что у меня нет ни того, ни другого, но я очень прошу закомпостировать мои билеты. Она спросила: «А где ваш ребёнок?» Я показала на скамью, где он лежал. Одного взгляда было достаточно, чтобы она проштамповала наши билеты, и мы поехали дальше.

Теперь мы ехали до Уфы. Ещё одна пересадка. Здесь я тоже осмелилась сразу обратиться в кассу для женщин с детьми, и Господь помог нам опять. Так добрались мы до нашей цели 5 июля. Вилли - больной и бледный, но радостный и благодарный, что путешествие, наконец, окончилось.

В Клявлино мы встретили наших знакомых и грузовик с работы, который довёз нас под сильным дождём, так что мы совсем промокли. Нас очень сердечно встретили тётя Тереза и дядя Лёня. Многие радовались вместе со мной тому, что ребёнок мой теперь был с мамой. Вилли был очень слаб. Рвота и боли в животе долго не прекращались. Дышал он тоже очень тяжело, как старик с астмой. Это очень беспокоило и огорчало меня.

Мои знакомые, которым я много помогала, Георгий Константинович и Нина Алексеевна Петропавловские, уехали со своими детьми в отпуск впервые после войны. Они спросили, не смогу ли я это время у них пожить. И я с радостью согласилась. Здесь у меня было достаточно времени, чтобы поухаживать за моим сыном. У них была коза, и её молоко оказалось чудодейственным. Так мы прожили 6 недель. Было так хорошо, что мне казалось, что что-то тяжёлое должно случиться опять.

Вилли очень любил, чтобы я пела, и знал наизусть много песен, например: «Знаешь ли ты, сколько ясных звёзд сияет в небесах?», «Усталый от дневных трудов», «Кто позволяет Богу управлять», «Доверь свои пути» и многое другое. Однажды я сказала ему, что хватит петь, мама устала, мы

будем спать. Он ответил мне печально: «Бабушка мне так никогда не говорила».

О детское сердечко! Что сие?
 То дар, доверенный тебе,
 Который к Богу должен возвратиться.
 Храни его! Храни душу ребёнка в чистоте;
 Пусть это будет зеркало без пятен.
 Один лишь взгляд, одно лишь слово твоих уст –
 И рана неисцельна тут как тут.
 Храни же душу твоего ребёнка в чистоте!

Когда мои хозяева вернулись, то Нина Алексеевна была очень удивлена тем, как выглядит Вилли. Она сказала, что не узнала бы его на улице. Сейчас он выглядел как ребёнок, а сначала был как старичок.

С этого времени многое изменилось в нашей жизни. Настал учебный год, и мы покинули татарскую деревню и пошли с Вилли за руку 3 км до Мордовской деревни, где он пошёл в школу, а я на работу, и где мы жили у тёти Терезы. Вилли радостно шагал вприпрыжку по дороге туда и говорил, что ему так нравится учиться, что он хотел бы учиться всю жизнь.

В сентябре меня как-то вызвали в НКВД и сказали, что пришло разрешение забрать моего сына. Меня охватил сильный страх – обнаружилось, что мой сын давно уже был со мной, и что я ездила за ним без разрешения. Мне снова предстояло выдержать жестокую борьбу. Господь дал милость и силу. Он не позволил им грубо со мной обойтись. Скольких страхов можно было бы избежать, если бы разрешение пришло сразу!

Заботы о будущем, «что есть и во что одеваться», казались мне порой слишком тяжёлыми. Но разве Господь не помогал мне чудесно до сих пор? Разве Он перестанет быть милостивым? Мое сердце часто доходило до отчаяния. Недалеко от нашего жилья был источник. Я часто ходила туда за водой и пела там:

«Хочу домой...», «Знает ли Иисус?» или вспоминала песню «Предай пути свои...». Когда я доходила до куплета:

Надейся, о, несчастная душа,
 Надейся, уповай, не унывая...
 Только дождись...

то я останавливалась и повторяла себе: «Только дождись». С новыми силами возвращалась я от «источника».

От папы в эти годы письма приходили редко, и всё-таки мы знали друг о друге. Так прошёл и год 1947. Начался 1948 год.

В этом году должен был освобождаться наш папа, и мы с Вилли хотели переехать с ним в Караганду. Но человек предполагает, а Бог располагает. На мой день рождения (6 мая) тётя Мария Каспер подарила мне Библию. Я начала прилежно читать Слово Божие и осознала своё погибшее состояние. Согласно Евр. 4:6, для меня, кажется, невозможно спасение. Я много молилась, но мира душевного не доставало.

В октябре мы получили открытку от папы. Он был на пути в Сибирь с Севера, где провёл 10 лет. Теперь его сослали навечно в Сибирь. 17 марта у него произошло большое несчастье на работе. Он оказался зажатым между буферами локомотива и вагона, и правая нога его от колена и выше была раздавлена. С такой больной ногой он теперь прибыл в Сибирь, в деревню Чумаково, 60 км от железной дороги. Как глубоко взволновала нас эта печальная весть, ведь мы были не в состоянии чем-то помочь.

В ноябрьские праздники я сторожила большую строительную площадку, где был покой от безумных празднований. Там, при слабом сумеречном свете, дала я волю своим слезам и молилась из глубины сердца Богу.

Моя месячная зарплата была 250 рублей. Пуд картофеля стоил 150 руб. Много вязала по ночам. 9 ноября мы с Вилли послали 100 руб. папе; деньги пришли к нему, когда он сильно нуждался в них. Теперь папа и я начали хлопотать о том, чтобы нам воссоединиться. И здесь нужно было «только дождаться».

1949

В мае у нас с Вилли была большая радость, когда нам выделили собственную комнату, т.е. одну комнату на нас и тётю Марию Каспер. Как приятно было иметь, наконец, собственную кровать и многое другое!

В августе, когда я пришла однажды с работы, мне сообщили, что меня вызывают в НКВД. Сразу пошла туда и услышала радостную весть о том, что нам теперь можно поехать к папе. С 1 сентября мне разрешили рассчитаться с работы. Когда это было сделано, я снова пошла в НКВД и думала, что мне вручат письменное разрешение. Но, к моему ужасу, мне сообщили, что нам можно ехать только «этапом», то есть через тюрьму. Нам предлагали проводить до станции и там посадить в вагон с заключёнными. «Вам не надо бояться – через 4 дня вы будете у мужа».

Разве не сможем мы потерпеть 4 дня то, что наш папа вынес в течение 10 лет? Так мы согласились предпринять эту поездку. 10 сентября Вилли прекратил ходить в школу, и мы каждый день ждали нашего отправления. Дядя Лёня заказал для меня фанерный чемодан и ещё ящик. Чемодан закрывался на замок, и я очень радовалась такому богатству. Я уложила туда все свои лучшие вещи, среди них вышитые салфетки, которыми я собиралась украсить нашу комнатку. В ящик я сложила зимние вещи, некоторые книги и свою немногочисленную посуду. В кастрюлю положили зелёные помидоры

из нашего огородика. Хотелось угостить папу этими помидорами. И так, мы были готовы к отъезду.

18 сентября мы поехали снова на грузовике в сопровождении коменданта до станции Клявлино. Это должно было быть в последний раз. Дядя Лёня и тётя Тереза с Люсей (1 год 11 месяцев) провожали нас. Вечером, примерно к заходу солнца, пришёл наш поезд. Мне стало страшно, когда я увидела его издалека. Но я ещё не догадывалась, что нас ожидало. Чтобы сдать мой ящик в багаж, я купила детский билет. Так посоветовал мне комендант и утешал меня, что эта поездка почти ничего мне не будет стоить – какой обман. С чемоданом и сумкой с продуктами вошли мы в вагон. За нами закрыли засов, и вот уже мы, мать и ребёнок, сидим за решёткой, и нас с любопытством осматривают и обсуждают вооруженные охранники.

Поезд тронулся. Утром 19-го мы прибыли в Уфу. Там многих заключённых начали вызывать, среди них и нас. Всех посадили в «чёрный ворон» и куда-то повезли. Ничего не было видно. Вдруг он затормозил. Нам нужно было быстро выйти, и нас повели в тюрьму. Вещи были обысканы, и у меня изъяли ножик. Нас поместили в женскую камеру, где шёл разговор об убийствах. Вилли бросился на лежанку и горько заплакал... В этот же день нас вывели оттуда. Надо было снова сесть в «чёрный ворон», и теперь нас повезли на станцию. Затем снова в поезд в том же порядке, но там мы уже сидели вместе с заключёнными. Так мы доехали до Челябинска. В Челябинске мы перешли этапом с одного поезда на другой. Как ужасно было для меня то, что Вилли забрали от меня и сунули к мужчинам! Я думала, что не переживу такое. Мой плач и просьбы не помогли...

Затем ко мне подошли вооруженные охранники и приказали открыть мой чемодан. Когда я просила их не забирать мой чемодан, объясняя, что я еду к мужу и не являюсь заключённой, они только посмеялись над этим. Когда я открыла чемодан, они повыбрасывали из него все вещи. Дойдя до вышитых салфеток, подняли их и насмехались: «Смотрите, человек ещё жить собирается!» Затем забрали чемодан, заявив с хохотом, что готовят на нём себе завтрак. Как могла, я связала все свои вещи в платок, не желая ничего потерять.

Вскоре я сильно заболела, и одна немка, фрау Вальбург Мюллер, ухаживала за мной, как только могла. С благодарной любовью я вспоминаю её бедную... Так мы доехали до Новосибирска, и я думала, может быть здесь нас уже встретит папа. Был вечер. Меня и Вилли вызвали самыми последними и снова посадили в «чёрный ворон». Мы поехали далеко в город, или из города, не знаю – ничего не было видно. Вдруг машина остановилась, и мы вышли наружу. Нас отвели в большую тюрьму, в камеру смертников. Там мы просидели до утра и пережили то, что невозможно описать.

Утром нас вызвали и снова «чёрным вороном» отвезли в другую тюрьму. Здесь мы встретились с теми, с кем ехали вместе поездом, в том числе с той немкой. Со многими другими сидели мы в одной камере. Нам разрешили быть с Вилли вместе. Каждый день нам можно было побыть немного на свежем воздухе во дворе. Однажды во время прогулки я

встретила одного мужчину, немца, с другой стороны забора, который сказал мне, что когда Вилли забирали от меня, он старался его, как мог, защищать. Я сразу поняла, что это Господь заботился о нас в трудных обстоятельствах.

Мы просидели там 12 дней. В последнее утро мы встретили тётю Натхен Валл, милую знакомую нашу и родственницу с родины. Такая встреча в тюрьме – это особенная радость. Она прибыла сюда этапом накануне ночью.

После обеда нас и несколько других заключённых вызвали на этап. Мы шли пешком до вокзала. Впереди, позади, по бокам, – вооружённые люди с большими собаками. Всё время быстрым шагом проходили мы по многим улицам. Если делались остановки, мы должны были встать на колени и смотреть вниз. Один раз я услышала с другой стороны улицы: «Посмотрите – мальчишка, а уже разбойник». Так что нас принимали за разбойников.... Когда мы дошли до вокзала, то и там нужно было ещё постоять на коленях до прибытия поезда.

Теперь мы ехали до Барабинска. Со станции - снова в тюрьму. Было утро. Здесь было жутко и отвратительно: только тот, кто видел подобное, может это себе представить. Вилли снова оторвали от меня. Меня отправили в женскую камеру. Когда мне просунули в кормушку мой обед, я со слезами умоляла, чтоб мне разрешили пообедать с моим ребёнком. И – о, чудо – нам позволили это. Мне разрешили выйти, ко мне навстречу шёл Вилли. Рядом была углярка, там мы смогли присесть на угле и съесть свой обед. Как мы были рады и благодарны, что могли снова быть вместе. Мы сидели, тихо обнявшись, в страхе, что нас снова могут разлучить. Так мы просидели на куче угля до вечера. Затем нас снова вызвали на этап.

Я всё время думала, что вот наше путешествие должно закончиться, и папа встретит нас. Но нужно было снова садиться в поезд. На этот раз здесь не было решёток, и мы могли свободно сидеть на лавках. Это был пригородный поезд. Мы ехали до Куйбышева (Новосибирской обл.) Здесь нас снова отвели в тюрьму. К моему невыразимому ужасу, нас снова хотели разлучить. Я закричала изо всех сил (при этом мы крепко обнялись), что я готова быть расстрелянной, сидеть в ужаснейшей камере, живой или мёртвой, но с моим ребёнком вместе... Так велик был мой ужас... Тогда нас оставили на короткое время одних. Вернувшись, они отвели нас в пустую камеру, где нам предстояло просидеть еще 12 дней. Там нас сильно мучили насекомые-паразиты, и мы были совершенно измождёнными. Каждый день на прогулке глоток свежего воздуха подкреплял нас.

Однажды во время обеда двери тюремной камеры открылись, и нас спешно вызвали: нужно было быстро куда-то идти. У ворот нас и некоторых мужчин построили, и нужно было быстро идти по городу. Я едва успевала. Надо было ещё и нести свои вещи. Чтобы не потерять всех из вида, Вилли вынужден был бегом их догонять, затем возвращаться и помогать мне с вещами. Так мы добрались до избы на ночлег. Утром рано на следующий день мы отправились в Чумаково сквозь болота, леса и степи, иногда через деревни. Нас - повозку четырёх заключённых и меня с Вили - сопровождали

два охранника. Мне и Вилли разрешали большую часть пути сидеть на телеге, чему я была очень благодарна. В одной деревне мы переночевали, затем снова отправились в путь...

19 октября после обеда мы добрались до деревни Чумаково, где должен был находиться наш папа, которого мы не видели 11 лет 3 месяца и 8 дней. Во дворе милиции мне сказали: «Теперь вы свободны, ищите своего мужа». Там находился один папин знакомый, он ремонтировал пристройку. Когда он спросил, кто я, и услышал моё имя, то громко вскрикнул, схватившись за голову. Тут вышла маленькая девочка и предложила проводить нас туда, где работал папа. Вилли остался с вещами, а мы пошли. Это было недалеко. Когда мы пришли на лесопилку, девочка сказала, что этот дяденька работает здесь. Некоторое время я стояла, глядя на рабочих, и думала: «Нет, его здесь нет». Вдруг кто-то выбегает из домика и кричит: «Лена!» Тут мы обнялись и поспешили назад к Вилли, которого увидели уже издалека, бегущим к нам навстречу, прямо к папе в объятия, с криком: «Папа!»...

После коротких переговоров с начальником милиции, папа отвел нас в своё жилище. Это было всё-таки намного лучше тюрьмы. В маленькой кухне, где мы должны были теперь жить, жили ещё многие другие. Но мы были наконец-то вместе, о чём мы так давно мечтали! В пределах деревни нам разрешалось свободно передвигаться.

На следующий день папа поехал на станцию за нашим ящиком, а мы с Вилли пошли в школу. Когда учителя увидели бедного мальчика с его матерью и узнали его происхождение, они все отказывались принять его в свой класс. Тогда директор приказал одной учительнице взять его. Нашим сердцам это было, однако, тяжело. Как нам людям всё-таки нелегко бывает принять насмешки и издёвки! Мы забываем Слово: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной... И это сделал Он из любви к нам, чтоб нас освободить от грехов и для всех сделать доступной блаженную вечность». С глубоким стыдом должны мы вспомнить слова: «... и сорок лет терпел нас в пустыне».

Через два дня папа вернулся с ящиком. Всё сохранилось хорошо вопреки ожиданиям, кроме помидоров, которые пришлось тут же выбросить.

До Нового года нам пришлось дважды переехать. Рождество мы праздновали в крошечной комнатке, через которую должны были проходить хозяева дома. В основном мы были там одни. К нам в гости пришли тётя Августа Дридигер и тётя Лена Пеннер. Мы вместе съели наш скромный ужин, за который были очень благодарны. Пели Рождественские песни и вспоминали прошлые времена. Думали и о том, как много дал нам Господь, ведь многим и это было недоступно.

Дорогие дети, у вас возникнет вопрос: «Таковы были 10 лет, которые пережила наша мама, а папа?». Вы читали книгу «Один день Ивана Денисыча». Таких дней у папы было 3745... С этих пор наш жизненный путь был совместным. Так начался для нас 1950 год.

1950

4 марта мы праздновали совместно 45-летие папы. Не было гостей и не было тортов и печенья, но мы были вместе. Вилли выучил к этому дню стихотворение. Мы жили тогда уже на четвёртой квартире. Нам принадлежал совсем крохотный уголок.

Вскоре начиналась весна, и с ней – новые надежды. Нам отмерили совсем небольшой строительный участок, где мы раскорчевали землю под огород. Какая это была радость!

В апреле Вилли тяжело заболел корью, некоторое время он не мог ходить в школу. В школе его уже очень полюбили, т.к. он хорошо учился. В это время мы жили уже в пятом месте. Здесь папа изготовил своими руками первую мебель – маленький шкаф для посуды, которому я очень радовалась.

20 мая мы поставили 4 столба, нарезали пласты и начали строить себе маленький дом. Каждый день после работы мы отдавали все силы стройке. Обычно днём Вилли нарезал лопатой пласты дёрна, а мы по вечерам выкладывали из них стены. Когда настало лето, нам пришлось снова покинуть своё жилище. Теперь мы поселились в бане рядом с нашей стройкой. Когда хозяйка топили баню, чтоб помыться, нам нужно было освободить помещение от всех своих вещей. Иногда все промокало от дождя. Но надо было быть довольным и этим. Любое жильё стоило для нас 50 руб. в месяц.

17 июля наша землянка была уже настолько готова, что мы с огромной радостью вселились в неё. Крыша была готова, стены оштукатурены. Три окошка и дверь были пока просто отверстиями. Погреб закрыли половыми досками и поставили на них кровать. И тогда мы запели от всего сердца: «Теперь возблагодарите все Бога». Мы испытывали такое счастье, какого, возможно, царь во дворце не испытывал, - после многих лет скитаний. Наконец мы могли быть свободными от насекомых-паразитов. Но на каждый день оставалось еще много работы.

9 августа в 3 часа утра у нас родился сыночек. Но Тому, кто Господин над жизнью и смертью, захотелось перенести нашего маленького Корнелиуса в Небесное Царство. Он не открыл свои глаза для этого злого и грешного мира. Тогда нам это было горько, хотелось удержать его – но Господь хотел через это серьёзно обратиться к нам. Папа и Вилли сколотили из досок маленький гробик, тётя Лена Пеннер красиво украсила его, были и цветочки. Папа помолился, и в тот же день его похоронили. Как рады мы сейчас, что у нас уже есть два маленьких небожителя у Господа. Они ждут нас. Скоро, скоро мы снова увидим их.

Затем мы продолжали работать, и к сентябрю наша хижина была готова. Окна, двери, печь, побелка, хороший пол из досок – наконец мне можно было украсить комнатку! С каким удовольствием я это делала! Однажды я проснулась утром и посмотрела в окно – сердце мое наполнилось радостным чувством: они мои – эти окна, я могу в них смотреть, могу их

мыть, а когда днём ещё и солнце засветило в них, то сердце моё запело: «У меня есть дом! У меня есть дом!»

И тогда я вспомнила, как несколько лет тому назад сидела одна у источника и пела: «Хочу домой...». Как мы были теперь благодарны и рады! Мы хотели также, чтобы наш дом мог стать домом и для бездомных. Вскоре у нас поселилась тётя Лена Пеннер с дочерью и внучкой до следующего лета. Затем они начали строить себе такую же хижину. Так мы пережили зиму. После работы папа возился у верстака, тётя Лена шила, Вилли учился в 7 классе. Бывали тяжелые часы, но они сменялись и радостными. Мы пели, читали Библию, молились – однако, полного мира душевного мне не доставало. Рождество мы праздновали ещё и с тётей Августой Дридигер.

1951

Этой весной мы работали на нашем огороде: посадили картофель, овощи и немного мака. Мне было очень радостно видеть, как всё хорошо вошло. В начале сентября тётя Лена Пеннер тоже переехала в собственную избушку. Теперь мы жили рядом друг с другом, но всё-таки по отдельности. Радостно было выкапывать осенью свою собственную картошку. Как же позаботился Господь о детях своих!

18 октября в полдень у нас родился еще один сыночек. Он закричал так сильно, как будто не хотел успокаиваться. Тогда медсестра запеленала его и положила около меня. Он затих. Когда он посмотрел на меня своими глазками, мне показалось, что я вижу сходство с моей мамочкой. Это обрадовало и утешило меня...

Прошло совсем немного времени, и у моего окна стоял Вилли и смотрел с такой радостью на своего брата. Он пожелал, чтоб его назвали Виктором. Когда папа забирал нас через неделю домой, Вилли вышел к нам навстречу, взял братика на руки и понёс его в дом. Когда мы вошли в комнату, то увидели картину, которая глубоко запечатлелась в нашей памяти. Вилли положил своего маленького братика на свою кровать, развернул его и стоял перед ним на коленях... К нашей общей радости, маленький Витя хорошо развивался и рос, несмотря на скудное питание.

В этом году в Сочельник мне было очень-очень грустно. Как уже я упоминала раньше, у меня был потерян мир с Богом. Сколько бы ни читала я Слово Божие, послание к Евреям 6:1-8 звучало для меня как приговор. Мы молились вместе с папой, и он так старался меня утешить. Часто по вечерам я выходила из дома, смотрела на звёздное небо, молила Бога о помиловании. Иногда в душе у меня водворялся божественный мир, то были чудесные часы с моим Господом. Но затем искушения начинались опять. Тогда мы решили с папой, что я напишу письмо дяде Иоанну Фаст.

Мне хорошо тогда были понятны слова: «Ибо день и ночь тяготела надо мною рука Твоя» (Пс. 31-4).

1952

Когда Вилли после каникул пошёл снова в школу, я уселась однажды писать это письмо. Господь благословил меня...

Большую радость испытывала я от своего маленького ребенка, он так часто утешал меня. Папа и Вилли тоже радовались ему, и папа постепенно переставал походить на арестанта, а превращался в счастливого отца.

29 февраля вечером я получила ответ на свое письмо. В этот момент я сидела за столом с маленьким Витей на руках. Прочитав письмо, я положила моего ребёнка и поспешила на улицу, где уже много раз поднимала глаза к звёздному небу. Тут я испытала то, что Саул испытал в Дамаске. Как будто с моих глаз упала пелена. Небо открылось для меня, как будто я слышала ангелов, как они ликуют. О благословенный час! Не знаю, как долго простояла я там... Когда зашла домой, мы вместе с папой опустились на колени и от всего сердца возблагодарили Господа, который великое сотворил для нас.

В эту ночь мой малыш был очень беспокойным, и мы оба не могли уснуть. Тогда я снова и снова пела:

Как хорошо ребёнком Божиим быть,
Как хорошо грехи свои омыть...

И ещё одну песню:

У ног Иисуса мое любимое место,
Там я хочу сидеть и слушать Слово Его...

С тех пор я пережила много бесценных часов с Господом: сколько утешения, радости, подкрепления, - все находила я теперь в Его Слове.

В апреле Вилли сильно заболел воспалением, его положили в больницу. Когда ему стало лучше, ему нужно было ехать в Куйбышев (60 км) на рентген. Он приехал с печальным известием, что у него больны легкие. Опять начались заботы и тяжёлые переживания. Господь и тут помог, благословил нас, папа стал больше зарабатывать, и мы смогли покупать то, что раньше нам было недоступно: топленое сало, масло, мёд, яйца и молоко. К тому же на огороде поспело у нас много редиски, а позднее помидоры с 36 кустов: столь много, что мы и не ожидали. Все это Господь благословил обильно. Когда осенью Вилли снова обследовался, его признали здоровым. Так он перешёл в 9 класс. О, мой милый, милый Вилли, как много я всегда переживала о тебе!

1953

В начале этого года наш маленький Витя научился ходить. Это тоже было радостью. Вилли закончил 9-ый класс. В летние каникулы он проработал два месяца и заработал себе на зимнее пальто. Как хорошо отпраздновали мы, хоть и тесным кругом, Сочельник, Рождество и Новый

год! Дядя Иоанн Фаст прислал нам свои проповеди к праздникам, из которых мы почерпнули много благословений. Мы начали молиться о том, чтоб Господь привёл нас снова к слышанию Слова Божия, ведь для Бога ничего невозможного нет. Однако мы не имели никакого представления о том, как это может произойти. Мы испытывали огромный духовный голод и жажду после всех этих лет, жажду общения с детьми Божиими. Часто мне хотелось присоединиться к псалмопевцу: «Как лань желает к потоку воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому. Когда приду и явлюсь пред лице Божие? Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: «Где Бог твой?! Вспоминая об этом, изливаю душу мою, потому что я ходил в многолюдстве, вступая с ними в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма. Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс. 41,2-6). Так мы вступили в новый 1954 год.

1954

В этом году закончил наш Вилли 10-ый класс. Куда теперь? У него было сильнейшее желание поехать в Томск, чтобы там поступить в университет. Как страшно, просто невозможно казалось это допустить. Если б могла, я бы не отпустила его от себя, как тогда, в тюрьме. Однако мы согласились, так как боялись помешать его счастью. В начале июля мы проводили нашего старшего сына, он отправился на чужбину. Мы помолились на прощанье и просили Господа охранять его. Папа написал ему 1-й псалом и просил принять эти слова близко к сердцу.

Весной мы купили себе поросёнка, первый раз за все эти тяжёлые годы. Также вырастили четыре курочки и одного петуха. Виктор, которому теперь уже было два года и 10 месяцев пас поросёнка и кормил курочек, это доставляло ему огромнейшую радость, и мы радовались вместе с ним. В этом году был также богатый урожай ягод в лесу.

С большим нетерпением ожидали письма от Вилли. Ему пришлось нелегко, но он сдал все экзамены один за другим, получив 4 пятёрки, 2 четвёрки, только за последний экзамен получил тройку. Он был принят учиться, однако остался без стипендии. Снова появилось много забот. К тому же у него снова началось воспаление лёгких. Иногда мне казалось, что я этого не вынесу. Помню, особенно одну ночь я провела всю в слезах и молитве. Как бы мы обрадовались, если бы он вернулся домой! Но этому не суждено было случиться.

В это время мы получили известие от папиного племянника Абрама Фаста, которого папа знал ребёнком, но ничего не слышал о нем с 1938 года. 22 ноября он приехал к нам в гости на одну неделю. Это было большой радостью для нас.

15 декабря мы зарезали нашего поросёнка. С этого времени папа излечился от своей болезни, которой болел с лагерных времён.

22 декабря в половине седьмого утра родился наш Хайни. Сколько радости может принести такой маленький ребёночек, если принимаешь его как дар Божий! Когда медсестра положила мне моего сыночка на руки, и я взглянула в его личико всё в пятнышках – о, как я испугалась! «Наг и слаб, о, укрой меня! Я беспомощен, помилуй мя! Пред Тобой, Господь, не чист я, омой меня!» Когда мы 30 декабря (за день до кануна Нового года) вернулись домой из больницы, я помыла его, одела и с умилением заботилась о нем. И его мы посвятили в душе своей Богу. Нашим самым заветным желанием было, чтобы через наших троих сыновей прославлялся Господь. «Забудет ли женщина грудное дитя своё, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы она и забыла, то Я не забуду тебя. Вот Я начертал тебя на дланях моих...» (Ис. 49,15-16). Дети наши, не сомневайтесь, что Господь начертал вас на дланях Своих! Он хочет вас сделать всегда и навечно святыми и блаженными, поэтому отдайтесь Ему! «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2,10).

Витя проводил это время у тёти Лены Пеннер. Он тоже очень обрадовался своему братику и боялся, что кто-нибудь может прийти и забрать его от мамы. Тогда он сильно плакал.

1955

4 марта мы праздновали папино 50-летие. За день до этого к нам неожиданно приехал дядя Яша Фаст из Усть-Каменогорска. В нашей комнатке было полно гостей, среди них и русские. Вечером была предложена песня: «Скала спасения открылась мне». Раздалось мощное пение, какого мы уже давно не слышали. Мы провели благословенный вечер...

Летом у нас ещё были гости. Сначала к нам приехали дядя Яша и тётя Мими из Караганды. Затем приехал наш Вилли, и немного позже - тётя Августа. Вилли не было дома целый год, поэтому радость свидания была велика. Вилли радовался также своим братикам. Хайни он увидел впервые семимесячным. Тётя Августа приехала со своей маленькой Ирмхен. Мы наслаждались пребыванием вместе. Когда они поехали домой, Вилли проводил их и погостил после этого ещё некоторое время в Караганде.

Весной пришёл новый этап ссыльных, среди них были и проповедники. Мы смогли приютить двух бездомных человек в нашем доме в комнатке, которую мы к тому времени пристроили. Теперь у нас всю зиму два раза в неделю проходили дома собрания. Один из этих двух братьев был особенно одарённым. Его звали Василий Алексеевич Милорадов. Особенно запомнились мне две проповеди, которые произвели на меня глубокое впечатление. Одна была на тему из Иез. 37,1-9 о том, как сухие кости по Слову Божию облеклись плотью и ожили. Как произошел шум и движение, – какое это было чудо! Заблудшие бродили по пустыне, по немощённому пути и не находили города, где бы могли поселиться. Голодные и жаждущие

души их изнемогали... Он послал Своё Слово, и нас исцелил, чтоб мы не умерли. Будем благодарить Бога за Его доброту и чудеса, которые Он творит с нами людьми.

Другая проповедь была на текст Лк. 15,8-10 о том, как жена, потерявшая драхму, искала её. Для этого ей обязательно нужно было зажечь свечу – это Слово Божие, которое просвещает сердце. Затем нужно было мести комнату и тщательно искать, пока не найдёт...

1956

В феврале приехал на каникулы Вилли. Он тоже поприсутствовал на одном таком собрании. Наш маленький Витя мог уже прочитать наизусть 22 псалом. И когда он читал его, то Василий Алексеевич называл его маленьким проповедником. Маленький Хайни научился в эту зиму ходить. Вилли пофотографировал его первые шаги. За день до своего отъезда Вилли отправил в Москву прошение об освобождении папы. Весной оба наши проповедники получили освобождение и поехали к себе домой. Со всех сторон можно было услышать, что подобные нам ссыльные получали освобождение. Как ничто на земле не может быть вечным, так и эта «вечность» подходила к концу. В эту зиму мы держали также уже корову и всю зиму пили свежее молоко. Это было для всех нас так хорошо...

В августе мы получили ответ из Москвы о папином освобождении и реабилитации. Нам разрешалось получить паспорта и чувствовать себя свободными гражданами...

В ноябре папу послали даже на три месяца в Новосибирск на курсы машиниста сельской электростанции. Мне пришлось остаться зимой одной с моими детишками и полным сараем скота. Мы держали корову, телёнка, овечку, козу, уток и кур... Хайни было 2 года. Я очень радовалась моим детям.

На Рождество я взяла своих мальчиков и повела их праздновать Святой Вечер у тёти Лены Пеннер. Ирма и наш Витя были уже пятилетними и рассказывали стихи. Мы читали рождественскую проповедь дяди Иоанна Фаста, пели песни и молились. Душой мы были с пастухами в Вифлееме и поклонялись нашему Спасителю, родившемуся маленьким ребёночком из любви к нам. Мы поклонялись величию этой любви, открывшейся нам через Иисуса Христа.

Когда мы вернулись домой, я уложила своих детей спать и после этого украсила маленькую ёлочку и положила рядом с ней подарки. Как велика была радость в то рождественское утро! В это время у нас жил один престарелый человек по имени Леонард. Он очень страдал от астмы. Слово Божие он не желал слушать, это было так печально. Он был католиком. Так снова наступил для нас новый год.

1957

Папа чувствовал себя в Новосибирске прекрасно. С большой радостью он написал нам о том, что там он тоже мог посещать собрание, познакомился с верующими немцами. Многие обращались, особенно из молодежи. Такая свежая струя после стольких лет засухи... Как всё-таки Господь любит людей! Он не хочет, чтоб кто-нибудь погиб. Как радовали меня эти известия!

В феврале снова приехал наш милый Вилли. Он уже учился на 3 курсе. Однажды вечером перед сном, я помню, мы читали Фил. 2,5-11. Когда мы уже легли в постель, я запела песню «Просто верь каждый день». Как мне хотелось, чтоб Вилли это услышал!.. Обрато Вилли поехал сначала к папе и присутствовал на его экзаменах. Папе больше уже не очень хотелось садиться за школьную скамью. В марте он вернулся домой с дипломом.

Якоб Фаст из Усть-Каменогорска снова написал нам о том, что нам нужно продать всё хозяйство и переехать к ним. Если мы не сможем продать нашу хижину, тогда её следует оставить и всё равно приехать. Мы бы больше хотели поехать сразу в Караганду. Но так как мы чувствовали себя материально не очень уверенно, а дядя Яша предлагал нам всяческую помощь, то мы решили в самом деле все продать и оставить место, где мы провели 8 лет совместно. Иногда нам было здесь тяжело, но часто мы испытывали чудесную помощь свыше. Здесь Господь призывал нас ближе к Себе.

Вскоре всё было продано. Вилли приехал домой, чтоб нам помочь. В начале июля мы выехали. Папа, Вилли и все вещи – сразу к месту назначения, а я с двумя малышами на месяц в Караганду к моим сёстрам. О, как я радовалась, когда в первое же воскресенье там смогла сидеть под кровом Слова Божия и принять участие в Вечере Господней, первый раз за 24 года!.. Могли ли мы думать, что когда-нибудь ещё будем слышать Слово Божие так открыто на нашем родном языке? Не было ли это ответом на наши молитвы и молитвы многих других чад Христовых? Да, нет ничего невозможного для Бога. Я смогла насладиться многими благословенными часами. Мы увиделись со многими нашими дорогими родными и друзьями после долгих и тяжёлых лет.

После одного из собраний к нам подошёл дядя Иоанн Фаст. Эта встреча была не без слез. Он в то воскресенье проповедовал на Пс. 73,23-24. Время проходило слишком быстро. Как бы мне хотелось там остаться, но снова нужно было спускаться с небес на землю... В начале августа нам нужно было расставаться и ехать «домой».

Так одним воскресным утром приехали мы в Усть-Каменогорск, который должен был теперь стать нам родиной. Как, однако, всё здесь было по-другому! К вечеру мне стало так тяжело, что я сказала папе, что здесь мы не останемся.

Мы получили жильё в бараке на 20 семей, одну комнатку. Витя боялся там и часто кричал, плача: «Хочу домой, в Чумаково, в наш дом и наш садик!» Я плакала вместе с ним. Уже в сентябре оба ребёнка заболели корью, а Хайни сразу после этого ещё и воспалением легких. Ему не исполнилось ещё и трех лет, а уже пришлось лечь в больницу. Свой день рождения он

встретил там – это было для меня невыносимо. Папа работал с утра до ночи. Так мы дожили до следующего года.

1958

Маленький Хайни часто тяжело болел. Мы посещали там собрание и присоединились к небольшой русской общине, где пережили некоторые благословенные часы, но и много тяжёлого. Как все эти годы мы скучали по родным и любимым в Караганде, по слышанию Слова Божия на родном языке, как хотелось познакомить наших детей со своими людьми! Здесь, казалось, они могут зачахнуть.

1959

В январе я сильно заболела воспалением лёгких, и мне пришлось лечь на месяц в больницу. Дома настало тяжёлое время. Папа должен был уходить на работу и запирал детей одних дома. Тогда они были предоставлены сами себе. Когда я смогла вернуться домой, к нам приехал Вилли. И когда мы вечером собрались на молитву, чтоб поблагодарить Бога, меня обрадовало твёрдое слово «аминь» из его уст. Он учился теперь уже на последнем курсе. Перед ним стоял вопрос – что делать дальше? Мы советовали ему руководствоваться Словом Божиим: «Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся. Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его» (Пр. 16,3-9). Он решил поступить в аспирантуру и учиться ещё три года.

В начале июня я поехала с Хайни в Караганду на серебряную свадьбу дяди Яши и тёти Мими. Снова мы пережили прекрасное, благословенное, но слишком краткое время с моими сёстрами и многими знакомыми. Также мы встретились там после почти 10 лет с тётёй Терезой. Летом Вилли приехал домой, на этот раз с дипломом. Он также съездил на короткое время в Караганду, затем вскоре вернулся и 1-го сентября проводил своего братика Виктора в школу в первый класс. Витя оказался прилежным учеником. Мы молились Господу, чтоб Он сохранял наших детей от всякого зла.

1960

20 марта мы праздновали нашу серебряную свадьбу в очень узком кругу. Мы могли, как когда-то Самуил, поднять камень и сказать: «До сего места помог нам Господь» (1Цар. 7,12). Как мы обрадовались, когда за два дня до этого рано утром мы встретили наших гостей: Вилли, 3 моих сестёр и дядю Иоанна Фаста – это было чудесно! То был прекрасный день. Хотя, как я уже сказала, нас было мало, мы получили неожиданно много поздравлений и пожеланий со всех сторон. Дядя Иоанн произнёс праздничную речь на текст Втор. 33,27: «Прибежище (твое) Бог древний, и (ты) под мышцами древними». Действительно, эти древние руки несли нас до сих пор. Он

остаётся верен своим обетам: «Никто не вырвет их из моих рук». И когда нужда была выше, то помощь Его была ближе. Ему и Его водительству доверялись мы и дальше, Тому, Кто сказал: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Летом папа взял впервые за 25 лет отпуск и устроил с Витей поездку: Кулунда, Караганда, Алма-Ата, Талды-Курган. Везде он навещал дорогих наших родственников. В Алма-Ате он так сильно простудился, что слёг в постель. Сильные боли в ногах – полиартрит. Когда они вернулись домой, мы встречали их на вокзале. Папа шёл на костылях. Однако вскоре наступило улучшение, и он снова смог пойти на работу.

На Рождество снова сильно заболел Хайни, воспаление легких. Папа остался с ним дома, а мы с Витей поехали на праздничное собрание перед Рождеством в доме у немецкой семьи Лёвинс. Там Витя рассказал рождественское стихотворение, которое растрогало до слёз дядю Яшу.... Когда мы вернулись домой, мой маленький Хайни лежал с высокой температурой, был очень болен. Я легла рядом с ним, а папа приготовил рождественский стол. Каким чудесным сюрпризом оказалась на утро гитара на столе! С огромной радостью пели мы в эти праздничные дни прекрасные рождественские песни с дядей Яшей и тётёй Катей. Они тоже радовались с нами.

1961

В конце января нам пришлось расстаться на четыре месяца с нашим Хайни. Его послали с другими детьми на курорт в Боровое. Очень тяжело было нам с ним разлучиться. Нам говорили, что иначе нельзя, ему нужно обязательно на курорт. Кажется, наше упование на Бога тогда ослабело.

В апреле в нашем бараке начался капитальный ремонт, и мы переехали на месяц к Якову Фасту. После ремонта мы получили две комнаты, т.е. комнату и кухню, отдельный вход и маленький кусочек земли под нашими окнами. Это было прекрасно. В конце мая мне нужно было поехать забрать своего ребёнка домой. Когда я приехала на станцию Боровое, то вспомнила, как 15 лет назад тоже ехала за своим ребёнком и застряла здесь. Теперь, однако, я ехала за ребёнком как свободный человек...

Оттуда мы поехали снова в Караганду и прогостили там недели две. Когда мы вернулись домой, ремонт был почти закончен, и у нас было очень хорошее жильё. Хайни хорошо отдохнул. Летом снова приехал к нам и Вилли.

1962

Весной Хайни начал жаловаться на боли в левой ноге. После обследования врачи поставили диагноз «туберкулёз костей» и сказали, что он должен лечь в больницу на три года. Больница была в трех часах езды на

поезде от нас. Снова много скорбей нам пришлось пережить. Мы молились и плакали не столько о его телесном здоровье, сколько о его душе. Когда я поехала с ним и увидела, как его от меня увозят, у меня разрывалось сердце. И так, мне приходилось возвращаться домой без Хайни...

Мы старались каждый месяц навещать его, читали ему небольшие рассказы и разговаривали с ним. К сожалению, моё здоровье тогда ослабело, часто я не могла навестить его, и ехал папа. Однажды он взял с собой Витю, который окончил к тому времени третий класс. Летом снова приехал Вилли и тоже был один раз у Хайни. Вилли закончил к тому времени аспирантуру, остался жить в Томске, и работал там в Университете математиком. Хайни начал свой первый класс на больничной койке. Крепко привязанный к постели в шести местах, он начал учиться читать и писать.

1963

В последние дни марта я впервые поехала в Томск к моему Вилли. В пути у меня первый раз поднялось высокое давление, были очень сильные головные боли. В Томске на вокзале Вилли встретил меня у самых дверей поезда со словами: «Мама, второй раз ты приехала ко мне». Примерно 10 дней провела я у него и почти всё это время проболела. Сердцу моему часто было очень тяжело видеть, в каком окружении живёт мой Вилли. Бог знает это. Когда я поехала домой, Вилли проводил меня до Барнаула. Мой добрый мальчик, он хотел бы нести свою мать на руках... В Барнауле он посадил меня на другой поезд. Мне пришлось обещать ему, что я не выйду в Шемонаихе, где был Хайни, а поеду прямо домой, и я послушалась...

1 июня нам можно было забрать Хайни домой после того, как он провел в больнице ровно год. О, как велика была наша радость, как всё-таки Господь услышал наши молитвы! Ему воздали мы нашу сердечную благодарность и хвалу... Однако, врагу удалось посеять злые семена в детском сердце. Наш ребёнок не хотел принимать участие в молитве и слушать Библейские истории. Тогда мы снова вознесли горячие молитвы к Богу, который слышит прошение своих детей. Так проходило время до осени. Однажды мы читали историю о том, как Иосифа продали братья, и мой Хайни заплакал и попросил прочесть ему всё сначала. Теперь он всё хотел слушать. С тех пор он стал прилежным учеником воскресной школы.

1964

Особых событий не вспоминается. Летом приезжали мои сёстры т. Мими и т. Августа с её маленьким Вилли. Наш Вилли тоже приезжал домой, и мы были очень рады побыть все вместе. Затем Вилли слетал со своими братьями на короткое время в Караганду.

В этом году (это был последний год в Усть-Каменогорске) мы праздновали Рождественский сочельник у нас дома. Была полная комната гостей. Приехали тётя Агата Пеннер и Талита с её маленьким Эдиком из

Талды-Кургана. Мы с Витей и Хайни рассказывали рождественскую историю в вопросах и ответах после того, как все вместе спели песню: «Хвала святой любви Отца, пославшей в мир страдать Христа». Витя рассказал ещё стихотворение «Нет здесь места, нет здесь места», а Хайни – о маленьком Карле и Ироде. В заключение мы прочли проповедь дяди Иоанна Фаста и вместе помолились. Мы вновь как будто побывали с пастухами в Вифлееме и увидели великое чудо, как сын Божий стал человеком из любви к нам. Обильно благословлённые, разошлись по домам. Талита провела у нас время до Нового года. Папа сильно заболел в Новогодний сочельник. Витя и Хайни пошли спать, Талита и я встречали Новый год – в молитве.

1965

Когда мы поднялись с молитвы, я приветствовала её словами:

Не бойся ничего,
 Защитник верным дан.
 Когда Иисус с нами в ладье,
 Не страшен ураган.

В начале февраля папа поехал первый раз в Томск к нашему Вилли, а я работала на его месте в это время. Кажется, 21 февраля мы получили от Вилли письмо о том, что у него есть невеста, и он просит нашего родительского благословения на брак. Эта новость была для нас совершенно неожиданной, к тому же его невесту мы не знали. Свадьбу они назначили на 17 марта, в день нашей свадьбы. Мы послали им письменно наше поздравление к свадьбе и пожелали им Слова из Исаии 48,18: «О, если бы ты внимал заповедям Моим! Тогда мир твой был бы как река, и правда твоя – как волны морские». Наше самое сердечное желание было видеть наших детей счастливыми. Мы знали по опыту, что истинное счастье и настоящая радость были только во Христе Иисусе, поэтому просим и вас, дорогие дети: «Не ищите счастья в мире, вы напрасно утомитесь».

4 марта мы праздновали папино 60-летие. На работе ему готовили большую неприятность. Но, как уже часто бывало (в том числе и в нашей жизни), люди замышляют зло, а Бог оборачивает это добром. Оказалось, что папа смог уйти на пенсию гораздо раньше, чем мы ожидали. Через 10 дней папа оказался на пенсии. О, как мы были благодарны нашему Небесному Отцу за Его заботу, за то, что Он так чудесно вёл нас до сих пор! Ему доверились мы и далее.

Теперь моё сердце стремилось поскорее познакомиться с нашей новой дочерью. В начале июня я поехала поездом в Томск. В Барнауле мне нужно было делать пересадку, и там меня встретил у поезда Вилли. Я очень обрадовалась, увидев его. Затем мы уже вместе поехали дальше. В Томске нас встретила Нина. После сердечных приветствий, мы с Ниной поехали домой, а Вилли сразу направился на работу в университет, где его уже ждали.

Я провела примерно 10 дней у своих детей. Нинина мама тоже приехала сюда, и мы немного познакомились с ней. После моего отъезда Вилли и Нина отправились в экспедицию. После экспедиции они на короткое время приехали к нам в гости.

Незадолго перед этим у нас гостила Тоня из Караганды. Наша величайшая мечта была теперь переехать в Караганду. Очень хотелось жить рядом со своим народом и слышать Слово Божие на родном языке. Об этом молились мы уже несколько лет, и, казалось, время для переезда пришло. Это означало много хлопот. Средств на покупку дома нам не хватало. Но мы сказали сами себе: «Ищите прежде Царства Божия, и это всё приложится вам». Теперь нужно было претворить это в жизнь и уповать на Бога. Как часто молитвой нашей были слова: «Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою» (Пс. 142, 8)

К тому же мы получили приветствие от тети Лены Вайер: «Вот Я повелеваю тебе: будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобой Господь Бог твой везде, куда не пойдешь» (Ис. Нав. 9,1). Это приветствие как будто с неба пришло к нам, и мы смело начали паковать. 6 октября все вещи были упакованы и отправлены. 9 дня того же месяца мы вылетели из Усть-Каменогорска после того, как прожили там немногим более 8 лет.

В субботу, в тот же день, мы прибыли в Караганду к моим сестрам. В воскресенье мы все были на собрании. С понедельника мы принялись искать жилище, хотя бы временное, хотя бы землянку, - такой у нас был настрой. Когда я через несколько лет зашла к т. Лене В., она приветствовала меня словами: «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14)...

Господь позаботился о нас больше, чем мы ожидали. Мы так радовались, что смогли купить этот домик, который оказался нам по средствам! Когда 19 октября прибыли наши вещи, мы сразу распаковали их и вселились сюда. Какими богатыми чувствовали мы себя, несмотря на некоторые недостатки! Теперь мы живём здесь уже почти 10 лет. От всего сердца присоединяемся мы к словам 106 псалма: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его! Так да скажут избавленные Господом, которых избавил Он от руки врага, и собрал от стран, от востока и запада, от севера и моря. Они блуждали в пустыне по безлюдному пути и не находили населённого города, терпели голод и жажду; душа их истаявала в них. Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он избавил их от бедствий их, и повёл их прямым путем, чтобы они шли к населённому городу. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих: ибо Он насытил душу жаждущую и душу алчущую исполнил благами...»

Странники мы здесь на земле, об этом свидетельствуют и наши 40 лет, но мы радуемся, что Господь приготовил нам Отчизну на небесах, где мы будем пребывать с Ним вечно. ... Однако мы ещё не достигли конца.

3 июня родилась наша первая внучка и была названа Еленой. Мы все очень радовались, а я - вдвойне. Летом они прожили некоторое время у нас.

1967 год

7 сентября родился первый внук Михаил. В 1969, 1970, 1971 и 1972 годах наши внуки проводили лето с нами. Мы очень радовались им и очень полюбили друг друга. Лена охотно учила песни и слушала истории о Господе. Как это было хорошо!

1968 год

В начале сентября было заложено здание нашего молитвенного дома. Теперь мы каждый день много трудились и молились. 15 декабря он был благословлён для богослужений. Много хвалы и благодарения возносилось из уст детей Божиих к небу. Да Господь великое сотворил нам, и мы были счастливы. Уже на следующий год нашего пребывания здесь в Караганде Виктор и Хайни сознательно обратились к Господу и захотели быть Его детьми. Они приняли крещение и заключили с Богом завет доброй совести. Это произошло 3 июля 1971 г. Здесь обрели мы много друзей, с которыми стремились к одной цели – к небесной отчизне.

1974

31 января родилась у нас ещё одна внучка – маленькая Анна. Этот ребёнок тоже доставил нам много радости. Мы с Витей ездили на одну неделю к ним в гости.

И в нашем доме мы получали много благословений: «От Бога Отца твоего, и от Всемогущего, который благословит тебя благословениями небесными свыше и благословениями бездны, лежащей долу...» (Быт. 49, 25).

Ещё один обильно благословенный день, о котором я не могу умолчать, пережили мы в этом году: это 6 мая - моё 60-летие. Много дорогих друзей пришли к нам и приняли участие в празднике. Я чувствовала себя окруженной любовью, и сердце мое переполнялось хвалой и благодарением. «Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его».

Дорогие любимые дети и внуки, мне хотелось бы закончить это повествование словами псалмопевца (Пс. 70,7-8 и 17,18): «Для многих я был как бы дивом, но Ты – твёрдая моя надежда. Да исполнятся уста мои хвалою, (чтобы мне воспеть славу Твою), всякий день великолепие Твое...Боже! Ты наставлял меня от юности моей, и доныне я возвещаю чудеса Твои. И до старости, и до седины не оставь меня, Боже, доколе не возвещу силы Твоей

роду сему и всем грядущим могущества Твоего» И ещё Пс. 89,10: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим»...

Мы движемся домой, к Отцу,
Кто знает, может, уже завтра.

Конец

Конец! Благословенно это слово.
В конце поймём, что непонятно было здесь.
В конце взойдёт заря над темнотою
И возвестит Господень день во всей красе.

Конец! Какое радостное слово:
Усталый кормчий долгожданный видит брег.
Здесь он обнимется с Отцом и в отчем доме
Сокровища достанет, что берёг.

Конец! Как сладко это слово
Тому, кто много лет был в кандалах,
Теперь оковы сбросив на свободе,
Свободой наслаждается в веках.

Конец! Как утешительно больному,
Который так давно вздыхал: «Когда ж конец?»
Но вот не чувствует он больше боли,
И ангел уж несёт ему венец.

Конец! И верный раб, для Господина
Работавший прилежно день за днём,
Как если был бы любящим он сыном,
Вознагражденье видит уж своё.

Конец! Конец! В конце мы всё поймем,
Что непонятно было здесь, в земной юдоли.
В конце взойдёт заря над темнотою,
Не будет больше зла, скорбей и боли.